

— Ладно бы меня узнавали французы — это понятно. Я уже привык к популярности в своей стране... В Советском Союзе я впервые. Но, оказывается, и здесь меня хорошо знают. Рад, очень рад, что это так.

Известный французский киноактер Ален Делон впервые побывал в Советском Союзе на съемках советско-швейцарско-французского фильма «Тегеран-43», где он играет роль инспектора полиции. Но для советского зрителя это будет далеко не первая встреча с Аленом Делоном. Его знают по многим фильмам: «Рокко и его братья», «Двое в городе», «Черный тюльпан», «Искатели приключений»...

Публикуемый очерк в какой-то степени раскрывает сложность характера этого незаурядного актера, который складывался и как человек и как художник в специфической атмосфере общества, где каждый борется только за себя и со всеми, борется за выживание, за успех, за право на звездную легенду.

«Я — ЗВЕЗДА, И ЭТИМ ВСЕ СКАЗАНО...»

Жан КО, французский журналист

Н е хотел бы я быть на своем собственном месте. Однако я нахожусь именно на этом месте и не могу себе представить другого, столь же неудобного. В самом деле, как можно говорить о человеке, с которым дружишь в течение двадцати лет, да еще если этого человека зовут Ален Делон и имя это сверкает так высоко, среди звезд? Столько выслушано взаимных откровений, столько маленьких тайн и больших секретов поверено друг другу, столько признаний («это только между нами») сделано... Как, каким образом после всего этого говорить о человеке и не выдать того, что он хотел бы уберечь от посторонних глаз, что касается только нас и «не подлежит продаже»?

Я не знаю никого более скрытного и «укрепленного» (как говорят о городе), чем этот человек. Тысячу самых жестоких штурмов отразили эти стены. Тысячу подкопов было сделано, чтобы взять эту крепость. Тысячу раз он рисковал, обороняясь и переходя в наступление, и каждый раз я говорил себе и продолжаю до сих пор говорить: «Боже мой, на этот раз он наверняка сдастся!» Однако до сегодняшнего дня этот игрок даже из самых сложных поединков выходил победителем. Я не знаю никого более нелюдимого и одинокого. Он способен на немислимо упорное молчание, на забаррикадированное уединение, на приступы дикого гнева, которые опять сменяются гробовым молчанием. Не самый удобный друг. Приручить его — тяжкий труд. Покорить — неосуществимая задача. Он может отдать самое дорогое, но только в кратковременном порыве, может проявить нежность, но это всегда выглядит так, будто он все еще защищается. Гордость и стремления к могуществу — в избытке. Но тщеславия ни на грош, потому что он никогда и ничего не требует от других, все только у себя самого. Он создал себя сам, без посторонней помощи, из духа противоречия, с помощью силы воли и

ярости. А на заднем фоне — фальшивые побрякушки легенды о Делоне, на которую он никогда не оглядывается. О его личной жизни «публика» не знает ничего, видна лишь вершина айсберга. А остальное пытаются угадать хроникеры. Они ныряют, добывают какие-то кусочки. Склеивают, подгоняют один к другому, мастерят из них печто и объявляют: «Вот Делон». А потом появляется Делон собственной персоной, поддает ногой всю эту конструкцию, и она рассыпается.

И приходится все начинать сначала. Твое детство в Эй-ле-Роз, жалкое свидетельство об образовании, ученичество в колбасной лавке, служба морского пехотинца колониальной армии в Индокитае, куча приключений, тысячи километров путешествий, женитьба, сын, сорок пять лет, шестьдесят фильмов, последний из которых показывают одновременно на сотнях экранов по всей Франции... что же я смогу написать о тебе? «Ты скажешь: Ален — ты звезда. Я хочу, чтобы ты объяснил, что такое звезда. Ладно?»

Несколькими вспышками можно высветить основное в Делоне. Первая вспышка — он чрезмерно нервный. Это бросается в глаза. Он никогда не сидит на месте. Он похож на дикого зверя, которого должны вот-вот поймать и ко-

торый вынужден убежать постоянно. Вот он входит и выходит. Оборачивается. Садится и встает. Когда он расслабляется или ложится, то сразу засыпает. Сотни раз я видел, как он, сидя на ковре, спорит со мной и внезапно проваливается в глубокий сон. Тогда я беру книгу и читаю. В два часа ночи он просыпается и говорит: «Надо идти ложиться спать». Он не ляжет спать, не наведя везде порядок, не приласкав собаку, не бросив последнего взгляда на мир и покой, завоеванный им в своем королевстве. У него ужасная страсть к порядку: он все бесконечно расставляет на места и переставляет, раскладывает и перекладывает, следит за всем и всюду наводит лоск. В этой жизни, внешне почти хаотической, у этого человека, от падений и взлетов которого замирает сердце, порядок, в котором должны находиться предметы, стал странной абсолютной страстью. Может быть, он нужен для того, чтобы преградить путь другим страстям — страстям души...

Вспышка вторая: он дьявольски ловко владеет своими руками и телом. Он обладает даром жеста и совершенно изумительной интуицией распознавания сути любых вещей. Например, он способен в течение всего лишь трех минут разглядывать сложнейший прибор, а потом точно сказать, «как это работа-

ет». Он может моментально повторить фокусы профессионала. Инстинктивно. Это потрясающее зрелище. Если бы он не стал актером, он, с его изумительными руками и телом, с его уникальной интуицией, мог бы стать кем угодно. Столяром-краснодеревщиком, летчиком, скульптором, великолепным наездником, боксером, первоклассным стрелком, реставратором фарфора... Только у животных я встречал тело, столь же превосходно приспособленное к окружающей среде. Я задаюсь вопросом: не в этом ли заключен секрет воздействия, которое оказывает Делон на зрителя одним своим присутствием на экране?

Еще одна вспышка — сверхчувствительность Делона. Как все отшельники, загораживающиеся от мира только для того, чтобы защититься, он хранит в памяти мельчайшие подробности прошлого, детали общения со всеми людьми, с которыми сталкивает его судьба. Он помнит все. Каждый жест, каждую фразу, каждый день и каждое слово. Эта память заставляет его предъявлять жесткие требования к любви и дружбе. Общаясь с ним, надо постоянно отдавать себе отчет в том, что ты говоришь и делаешь. Он ничего не забывает. Он служит сам себе «национальной библиотекой», где хранится его жизнь и где все разложено по полочкам. В полном порядке. Даже беспорядки лежат на своих местах.

Последняя вспышка: мир, в котором он живет. Огромные апартаменты в Париже, куда совершенно невозможно проникнуть без специального разрешения. Сюда допускаются только самые близкие друзья. Говорят, что жилище Алена Делона более недосыгаемо для посторонних, чем Закрытый город времен маньчжурских императоров. Имение в Дучи, окруженное бесконечной стеной, от одного вида которой захватывает дух. Настоящая китайская стена. За нею — лес, который стал прибежищем самых разных животных: кролики и барсуки, дикие утки и цапли. Они обитают здесь под высоким и суровым кровельством хозяина этих мест, который никогда не охотится. Никогда и ни за что на свете. Если бы он и стал охотиться, то уж скорее на людей, а не на животных. Это вопрос этики: «Люди, но крайней мере, могут защититься...»

«Ну а теперь я собираюсь сказать, что ты — звезда...» — «Так точно!» (Он очень часто употребляет это «так точно».) «Но что это означает — что ты звезда?» — «Ты знаешь это так же хорошо, как я. Я не собираюсь диктовать тебе твою статью. Ты меня достаточно хорошо знаешь... Пиши, а я потом скажу тебе, правильно или нет». Ну что же, я пишу. Я хочу говорить об этом от первого лица. «Итак, когда я говорю, что я звезда, я прежде всего провозглашаю простую истину. Во Франции немало отличных профессионалов и великое множество плохих актеров, но только один актер, слава которого перешагнула все национальные границы. Повсюду знают Делона и бегут смотреть его

фильмы. Этого нельзя наверняка сказать о Франции, потому что здесь отдают предпочтение велосипедисту-неудачнику Пулидору перед велосипедистом-победителем Анкетилем. После смерти — другое дело, тогда героя боготворят. А при жизни ругают. К счастью, не народ, не публика (если выражаться в терминах кино), но все те, чья профессия — думать и писать. Я всегда говорю напрямик, хладнокровно и резко то, что думаю. Например, что я люблю свою страну, и когда я вижу ее отступившей, я в прямом смысле заболеваю. Идеал некоторых моих соотечественников — маленькая Франция, населенная маленькими французами. Я этого не признаю...

В моей сфере деятельности, то есть в кино, принято думать: Делон-режиссер. Делон, пытающийся снимать французских актеров во французских фильмах, — это почти неприлично! Насмешки, пожимания плечами. Меня считали легкомысленным, претенциозным и вообще дураком. Я — необразованный, не признающий общепринятых правил и общепризнанных метров. Верно, конечно, и то, что вначале я заблуждался, продвигался на ощупь, как слепец. Но по прошествии лет, многим поплатившись — за все надо платить, — я приобрел «второе зрение». Вдруг — ты заметил? — стихли все насмешки. И вчерашние шутники с умным видом кивают головами.

Все это в значительной степени объясняет резкость и порой даже ярость моего поведения, мой волчий характер, который у меня, несомненно, был, а теперь я еще больше ожесточился. И мое одиночество, в котором я скрываюсь и из которого выхожу только тогда, когда надо что-то предпринять. Я совершаю набег на внешний мир, а затем закрываюсь в своей крепости и поднимаю мосты. Чтоб тебя любили, нужно улыбаться, расшаркиваться, быть у всех в милости, носить в портупее свое сердце, пусть даже фальшивое и лживое. Улыбаться важнее, чем быть самим собой. Но пресмыкаться — это не в моем духе. Потому что в этом случае человека больше не существует. Он — подделка. Он не он, а кто-то другой, кто прыгает через обруч по чьему-то свистку. И когда я осмеливаюсь утверждать, что я звезда, я имею в виду только одно: я люблю быть первым и не скрываю этого. Я стремлюсь быть первым не из мелкого тщеславия, я хочу быть первым по силе воли, по труду, упорству и, если возможно, по заслугам. Если бы я был боксером, я хотел бы быть чемпионом мира. Если бы я был велосипедистом — то Анкетилем, а не Пулидором; теннисистом — Боргом, а не Родригесом. Став актером, я неистово, яростно боролся за то, чтобы быть Делоном. Это было непросто. Выиграть такие скачки — тяжелая задача. Кто-то падает, разбивается, кто-то сходит с этапа, кого-то осмивают... Да, это тяжело... Особенно если поклялся никогда не отступать. Согласен, у меня гнусный характер, но у меня он, по крайней мере, есть — хоть

какой-то характер, а это не так уж часто встречается. И потом я заметил, что гнусный характер обычно проявляется в общении с теми, у кого вообще нет никакого характера. Мне сорок пять лет, и когда я оборачиваюсь на свою жизнь — что же я вижу? Двадцатилетнего парня, сошедшего с корабля в Марселе, бывшего морского пехотинца с коротко стриженными волосами, только что вернувшегося из Индокитая. Потерянный, дикий парнишка, который — с его-то характером — мог увлечься чем угодно. Самым плохим и самым хорошим. Судьбе было угодно, чтобы его захватило кино. Спасибо, судьба! Но спасибо и мне тоже — и еще несколькими людям. Потому что в течение двадцати пяти лет я в основном сам помогал себе прокладывать дорогу, и когда я оглядываюсь на прошлое, я могу сказать: «Все в порядке. Ты дрался. Ты никогда не отсиживался в углу. Ты никогда не отступал». Я работал, любил — немного и несчастливо, пока не нашел мир с той, которая сейчас всегда со мной. У меня сын шестнадцати лет. Я его понимаю — нелегко быть сыном Делона. Для него это самое плохое. Я с трепетом надеюсь, что, может быть, это и лучше. С трепетом, потому что всегда хочется, чтобы ваш сын стал вашим повторением — одновременно отличным от вас и похожим на вас. И лучшим, чем вы. Я хорошо знаю, что это невозможно. В шестнадцать лет у меня уже была своя самостоятельная жизнь. Я не был сыном Алена Делона. Но хватит об Антони. Это его дело — быть моим сыном. Посмотрим, как он выйдет из этого положения.

Но, возвращаясь наконец к идее «звезды», что бы я еще хотел сказать?.. Что — слушай меня внимательно — миру необходимы звезды. Что без них он тоскует и задыхается. Что ему надоело барахтаться в посредственности. Я хочу сказать, что миру нужны мечты. Во всех областях жизни и во все времена. В мирное время и на войне, в спорте или прогнозировании погоды, на телевидении или на улице, в политике и на заводе, во взаимной любви или в пустой комнате. Везде и повсюду. Так вот, если я — через своих героев, через то, что я уже сделал и еще рассчитываю сделать в своем ремесле, — если я даю людям мечту, значит, я не теряю времени даром. Мечта нужна везде, и она будет жить, пока в мире есть звезды... Без них — в кино и на улицах, в воображении и реальной жизни — воцарилась бы тьма...»

Стоп. Кончено. Все правильно? «Так точно», — говорит Делон. — Ты все понял. Это именно то, что я хотел бы сказать. Ты понял суть». — «Как, по-твоему, вышло, не слишком хвалебно?» — «Не думаю. Ты попал в самую точку». — «Это было непросто. Я словно шел по чему-то хрупкому, что боялся раздавить...» Он молча гладил Ману, огромного сторожевого пса, похожего на черную пантеру. Ален Делон обожает это чудовище редкостной и драгоценной породы. Он и сам той же породы.